

Кочесоков Роберт Хажисмелович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова

Бижева Агнесса Петровна

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова

Культурбаева Любовь Мачраиловна

кандидат философских наук,
ассистент кафедры философии
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова

ФРАГМЕГРАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация:

Статья посвящена проблеме кризиса идентичности, вызванной процессом глобализации. Для обозначения сложившегося модуса данного кризиса авторы вводят понятие «фрагментация человека». Целью статьи выступает выявление существенных характеристик фрагментации человека. Задачи исследования заключаются в сравнительной характеристике различных модусов кризиса идентичности, определении особенностей фрагментации человека. Научная новизна состоит в том, что предложено понятие фрагментации человека, трактуемое как состояние, в котором непротиворечиво сосуществуют различные идентичности. Подчеркивается, что эти идентичности не противопоставляются и не иерархируются, поскольку выполняют разные функции. Отмечается, что фрагментация не исключает целостное самосознание человека, а предполагает его. Делается вывод, что оптимальное решение проблемы кризиса идентичности может быть найдено только в длительном процессе самоопределения каждого. Следовательно, попытки ускоренно внедрить или навязать новые идентичности, как и стремления сохранять любыми средствами прежние, в равной мере неоправданны и необоснованны.

Ключевые слова:

глобализация, фрагментация, глокализация, идентичность, кризис идентичности, плюрализация идентичности, модульный человек, маргинальный человек, фрагментация человека

Kochesokov Robert Khazhismelovich

D.Phil., Professor,
Head of the Philosophy Department,
Kabardino-Balkarian State University

Bizheva Agnessa Petrovna

PhD, Senior Lecturer,
Department of Philosophy,
Kabardino-Balkarian State University

Kulturbaeva Lyubov Machrailovna

PhD, Lecturer,
Department of Philosophy,
Kabardino-Balkarian State University

HUMAN FRAGMENTATION

Summary:

The paper is focused on the issue of the identity crisis caused by the process of globalization. To denote the current mode of identity crisis, the authors introduce a new concept of "fragmentation of a man". The purpose of the article is to identify the essential characteristics of human fragmentation. The objectives of the study are comparative characteristics of different modes of the identity crisis and identification of the features of fragmentation of a man. The scientific novelty of the study lies in the fact that a new concept of "fragmentation of a man" is introduced, which is defined as the state of a person in which different identities consistently coexist. It is emphasized that these identities are not opposed and are not hierarchized, since they perform different functions. It is noted that fragmentation does not exclude, but assumes a holistic self-consciousness of a person. It is concluded that the optimal solution to the problem of the identity crisis can be found only in a long process of self-determination of each person. Consequently, attempts to rapidly introduce or impose new identities, as well as attempts to preserve the old ones by any means, are equally unjustified and unfounded.

Keywords:

globalization, fragmentation, glocalization, identity, crisis of identity, pluralization of identity, modular man, marginal man, fragmentation of a man

Для пояснения сути исследуемой проблемы целесообразно рассмотреть сугубо житейский случай. В 2018 г. известные немецкие футболисты турецкого происхождения М. Озил и И. Гюндоган, играющие в Англии, сфотографировались с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом во время его визита в Великобританию. И. Гюндоган, обладающий немецким и турецким паспортами, имел осторожность подарить Р.Т. Эрдогану футболку с надписью «Моему президенту, с уважением».

Данный случай вызвал волну эмоциональных и неоднозначных отзывов. Ситуация усугублялась тем, что эти спортсмены в свое время приводились как примеры успешной культурной интеграции. Многие политики ФРГ, включая канцлера А. Меркель, подвергли их критике за встречу с турецким президентом. Футбольные чиновники заявили, что Германская футбольная

ассоциация придерживается ценностей, которые Р.Т. Эрдоган «недостаточно уважает». Обыватели не сдерживали себя рамками политкорректности, призывали исключить их из сборной ФРГ, обвиняли в отсутствии должного патриотизма, говорили, что они позволили сделать из себя марионеток «диктатора» и т. п. Конечно, немало было и тех, кто поддерживал игроков.

Можно с высокой долей вероятности утверждать, что футболисты ни о каких высоких философских или морально-политических материях не помышляли. Они поступили так, как им казалось вполне естественным. Об этом свидетельствует и тот факт, что под шквалом нападок спортсмены вынуждены были объяснять свои действия. И. Гюндоган сказал, что это было жестом вежливости, а М. Озил заявил: «У меня есть два сердца: немецкое и турецкое».

Данный пример примечателен тем, что с каждым днем увеличивается количество людей, в которых комфортно сосуществуют различные идентичности. Они затрудняются с самоидентификацией, но важно подчеркнуть, что при этом не испытывают никаких проблем. Сложности возникают тогда, когда подключается «внешний фактор», вынуждающий таких индивидов делать выбор. Мы считаем правомерным называть их состояние фрагментацией человека.

Цель настоящего исследования – дать характеристику фрагментации человека как особого модуса кризиса идентичности. Следует оговорить, что проблема кризиса идентичности вообще и фрагментации человека в частности является сложной, комплексной, требующей междисциплинарного изучения. Однако в статье мы хотим рассмотреть ее только в русле традиционного социально-философского вопроса «общество – человек».

В конце прошлого столетия глобализация стала стремительно менять все сферы социальной жизни. Одним из ее сложнейших и трудноразрешимых следствий является кризис идентичности. Этой проблеме посвящено огромное количество научных исследований [1]. Несмотря на разнообразие трактовок кризиса идентичности, общим выступает признание того, что многие люди испытывают затруднения при самоидентификации.

Однако, прежде чем перейти к проблеме кризиса идентичности, необходимо сказать несколько слов о самой глобализации, поскольку такой кризис порождается характером осмысления глобализационных процессов. Другими словами, кризис идентичности обусловлен не самой глобализацией, а тем, как она осознана, осмысливается человеком. На ранних этапах глобализации оценки происходящего были достаточно поверхностными. По этому вопросу сложились две точки зрения.

В рамках первого подхода глобализационные процессы рассматривались как новый этап в прогрессивном развитии человечества. Следовательно, глобалистами называли тех, кто понимает, поддерживает и приветствует этот процесс, а антиглобалистами – их антиподов. Здесь уместно напомнить, что начало и ускорение глобализационных процессов наложились на крушение социалистической системы, объявление «конца истории», провозглашение всемирной и окончательной победы либеральной демократии [2]. В этом свете глобализация представляла как единение прогрессивных сил человечества.

Параллельно развивалась и другая точка зрения, согласно которой глобализация представляет собой лишь красивую обертку политики продолжения и углубления колониализма [3]. К сторонникам этой позиции можно отнести и тех, кто полагал, что глобализация проводится ради интересов так называемого «золотого миллиарда», некоей «элиты человечества». Неслучайно в их работах глобалисты стали ассоциироваться с теми, кого раньше называли «безродными космополитами», а антиглобалисты – с борцами против капитализма и эксплуатации. Ставшие массовыми регулярные демонстрации антиглобалистов именно так и определяли происходящее.

Несколько позже стала появляться более взвешенная точка зрения. Согласно ей глобализация предстает как диалектически противоречивый процесс, который нельзя оценивать однозначно. Кроме того, специалисты стали обращать внимание на то обстоятельство, что наряду с централизацией глобализация стимулирует и центробежные процессы, фрагментацию и локализацию. Этот процесс получил название фрагментации [4] (или глокализации [5]).

В любом понимании глобализация неизбежно актуализирует проблему идентичности. Однако способ ее решения, как нетрудно заметить, зависит от нашего понимания содержания и сути глобализации. Если человечество переходит от одного социокультурного пространства к более широкому, то это можно только приветствовать. Если некто со стороны разрушает наше социокультурное пространство, то понятно, что реакция людей будет негативной. Тем не менее следует признать, что содержание глобализации точнее выражается понятием «фрагментация». Следовательно, и состояние индивида, оказавшегося во «фрагментационной» ситуации, правомерно определять как фрагментацию человека.

Кроме того, важно определиться с актерами глобализации. Под ними в данном случае понимаются социальные группы, придерживающиеся различных взглядов по поводу сути глобали-

зации. В литературе чаще всего выделяются три пары акторов: во-первых, развитые и «отсталые» страны; во-вторых, транснациональные корпорации («капиталистический интернационал») и «простые трудящиеся» («пролетарский интернационал»); в-третьих, транснациональные корпорации («космополиты») и национальные государства («националисты»).

Однако, как представляется, существует главная (более глубокая) линия водораздела. В этом плане выгодно отличается работа Б. Гудхарта. Хотя в ней прямо и не ставится интересующий нас вопрос, но тем не менее она опосредованно выводит на важные нюансы. Автор подчеркивает, что в условиях глобализации социальная структура трансформируется, прежние социальные группы вытесняются новыми. В частности, утверждается, что современное общество подразделяется на людей «где-то» (Somewhere People) и людей «везде» (Anywhere People) [6]. К первой группе относятся индивиды, привязанные к месту обитания, региону, стране, культурному пространству, а ко второй – не имеющие такой строгой привязанности. Вторые ратуют за создание более «открытых» обществ (государств), между тем как первые выступают за сохранение прежнего типа общества (государства). По мнению автора, сейчас характер политических процессов во многом определяется противостоянием названных групп.

Однако, во-первых, Д. Гудхарт признает, что нет «чистых» Somewhere People и Anywhere People, а есть люди, в большей или меньшей степени относящиеся к той или иной группе; во-вторых, существует немалое количество индивидов, находящихся между этими группами – Inbetweeners, как их называет автор. Представляется, что большинство людей постепенно будут пополнять ряды именно «средней» социальной группы, так как в условиях глобализации раскол проходит «внутри» каждого из нас. Именно эта группа представляет особый интерес, точнее люди, входящие в нее. Тем не менее понятие Inbetweeners не совсем четко передает их специфику, поэтому, как уже отмечалось, мы определяем их как фрагментированных людей.

Чтобы понять характерные черты фрагментированного человека, необходимо прежде всего сопоставить его с другими возможными типами самоидентификации. Здесь речь идет о проблеме выбора идентичности по отношению к большим социальным группам – цивилизациям, нациям, государствам. Теоретически возможны четыре типа.

1. *Люди, дихотомно (либо – либо) смотрящие на социальную действительность и уже сделавшие выбор.* Здесь следует учитывать два критерия: 1) дихотомное восприятие социальной действительности; 2) процесс самоопределения. В зависимости от сделанного выбора представители этой группы делятся на две подгруппы. Первую составляют те, для кого, по словам Р. Киплинга, «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и никогда им не сойтись». Эту точку зрения выражают все приверженцы так называемого цивилизационного подхода, независимо от того, говорят ли они о «гармоничном сосуществовании» цивилизаций или об их «столкновении». Их важным недостатком, на наш взгляд, является то, что в рамках любых «цивилизаций» в любом их понимании всегда есть разнонаправленные социальные группы. Поэтому более точно называть их, вслед за Д. Гудхартом, Somewhere People. Имеются в виду люди, которые чувствуют себя комфортно только в «своем» социокультурном пространстве. Вторую подгруппу составляют Anywhere People. Они ощущают себя комфортно везде. Нельзя сказать, чтобы они отсутствовали раньше. Эти же идеи разделяли те, кто в эпоху Просвещения желал быть «гражданином мира», и те, кто выступал за «интернационализм». Тем не менее это не одно и то же, о чем говорится далее.

2. *Люди, дихотомно (либо – либо) смотрящие на социальную действительность, но еще не сделавшие выбор.* Это те, кого Д. Гудхарт называет Inbetweeners. Они, с одной стороны, понимают, что им придется сделать выбор, с другой – еще не знают, что им надо выбрать, и потому испытывают глубокий дискомфорт. Они во многом напоминают тех, кого в социологии именуют маргинальными личностями. Американский социолог Р. Парк понимал под маргинальным человеком того, который занимает «положение где-то в промежутке между двумя культурами», т. е. «оказывается на обочине двух культур и не приспособливается в полной мере или постоянно ни к одной из них», «человек, который живет в двух мирах, но не чувствует себя как дома ни в одном из них» [7, с. 6].

3. *Люди, в которых эклектично совмещаются различные самоидентификации.* Они отличаются от предыдущей группы тем, что не испытывают никакого дискомфорта от своей «пограничности». Типичным примером является «модульный человек» Э. Тоффлера – новый тип, который формируется в условиях постиндустриального общества [8]. В традиционном социуме, отмечает он, индивид поддерживал межличностные отношения с небольшим количеством людей, поэтому они могли быть всесторонними, целостными. Однако с образованием постиндустриального общества межличностные отношения становятся все более кратковременными. Это закон: «Уменьшение средней продолжительности человеческих отношений – вероятное следствие увеличения ко-

личества таких отношений» [9, с. 115]. Поэтому исследователь делает вывод о возникновении «модульного человека», чья суть состоит в следующем: «Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности» [10, с. 113].

4. *Фрагментированный человек*. Это индивид, который одновременно относит себя к различным социальным пространствам, при этом не испытывает дискомфорта. Почему такое становится возможным? Человек как социальное существо в целях выживания нуждается в создании социокультурного пространства, в котором он чувствует себя в безопасности и «своим». Единая культура (язык, традиции, ценности) является своеобразной «границей» социокультурного пространства. Другими словами, именно по культуре человек определяет «своих». При этом государство создается как институт, обеспечивающий внутреннюю и внешнюю безопасность этого социокультурного пространства.

В ходе социального развития границы социокультурного пространства закономерно расширяются. В данном случае не столь важно, как это происходит: путем насильственного включения одного пространства в другое или посредством их сближения в процессе интенсификации отношений и унификаций культур. Нам больше интересует следствие – человек начинает чувствовать себя «своим» в гораздо большем социальном пространстве. Однако это не означает, что прежнее социокультурное пространство исчезает, оно просто начинает играть другую роль. Например, в традиционном обществе первоначально «свое» пространство определяется рамками социокультурного пространства рода (племени). С возникновением нации (нового, более широкого, пространства) «пространство рода» не исчезает и человек не перестает идентифицировать себя с ним. Некорректно ставить вопрос о том, какое социокультурное пространство – рода или нации – важнее и значимее для индивида. Он нуждается и в том, и в другом.

Вслед за изменением социокультурного пространства меняются и границы государства. Чаще всего одно государство «включается» в другое. Однако возможен и иной сценарий – государство сохраняется, но уже не выполняет прежних функций, приобретает другой статус, играет другую роль.

В этом плане показательно, что в процессе глобализации заметно увеличилось количество государств. Данный факт часто приводится как доказательство наличия локализационных тенденций в условиях глобализации. При этом не хватает объяснений того, какова природа таких государств, для чего они нужны. Ответ многим кажется очевидным – социокультурная целостность нуждается, как уже отмечалось, в обеспечении внутренней и внешней безопасности, политической институционализации. С подобным объяснением можно было бы согласиться, если бы эти государства соответствовали обозначенным требованиям. Однако большинство из них не в состоянии выступать государствами в собственном смысле слова. Неслучайно в современном государственном праве актуализировался вопрос о государстве, в частности о соотношении статусности (*Stateness*) государства и его состоятельности (*Statehood*) [11]. Можно уверенно утверждать, что появление таких государств – следствие расширения социокультурного пространства, например распространения и утверждения идей демократии.

Тем не менее возникает вопрос: для чего нужны такие государства. Можно сказать, что они необходимы не столько для обеспечения внутренней и внешней безопасности человека, сколько для выполнения других функций, например для придания более высокого статуса человеку, которого оно представляет. Поэтому во фрагментированном индивиде прекрасно уживаются самоидентификации с двумя государствами: они нужны ему для *разных целей*.

Фрагментированный человек принципиально отличается от того, кого раньше называли «гражданином мира» («всемирным человеком», «космополитом» и т. п.), прежде всего тем, что они являлись гипотетическими и теоретическими конструктами, не имевшими конкретного содержания, вследствие чего неясно, какими характеристиками должен был обладать «гражданин мира». Кроме того, в этих теориях ненамеренно иерархизировались различные идентичности. Прежние идентичности представляли в виде «пережитков», которые неизбежно должны уступить место новой, всеобщей идентичности. В оправдание подобных концептов нужно отметить, что их авторы говорили о будущем человечества, а каким оно будет – трудно сказать.

Несколько сложнее отличить фрагментированного человека от «модульного». В нем также «уживаются» различные идентичности, но, как уже указывалось, они совмещены в нем эклектично. Во фрагментированном индивиде имеет место скорее плюрализация идентичности [12]. Однако и данное понятие не совсем позволяет раскрыть смысл, вкладываемый нами в категорию «фрагментированный человек». Плюрализация предполагает децентрализацию, потерю целостности человека, а фрагментация не исключает сохранения целостности, а предусматривает его.

Из сказанного можно сделать вывод, что в условиях глобализации ключевая линия раскола проходит не между социальными группами, нациями, цивилизациями, государствами, а внутри каждого человека. Оптимальное решение проблемы кризиса идентичности может быть найдено

только в рамках самоопределения индивида. Это длительный процесс, следовательно, стремление ускоренно внедрять или навязывать новые идентичности, как и попытки сохранять любыми средствами прежние, одинаково неоправданны и неправомерны.

Нужно учитывать еще и то обстоятельство, что в процессе социального развития возникают непредвиденные факторы, которые зачастую оказывают существенное влияние на ход истории. Поэтому необходимо предельно осторожно и продуманно относиться к проблеме решения кризиса идентичности. В связи с этим обнаруживается актуальная практическая значимость исследования, которая заключается в том, что его результаты могут быть использованы при разработке политики преодоления современного кризиса идентичности, а также в преподавании курса социальной философии.

Ссылки:

1. Волова Л.А. Социокультурная интеграция и идентификация в условиях глобализации общества // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 244–251 ; Пузько В.И. Кризис идентичности личности в условиях глобализации // Философия и общество. 2007. № 4 (48). С. 98–114 ; Салихов Г.Г. Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1 (7). С. 122–129 ; Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. С. 50–58.
2. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника. М., 2001. 303 с.
4. Rosenau J.N. New Dimensions of Security: The Interaction of Globalizing and Localizing Dynamics // Security Dialogue. 1994. Vol. 25, iss. 3. P. 255–281. <https://doi.org/10.1177/0967010694025003003>.
5. Robertson R., Khondker H.H. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations // International Sociology. 1998. Vol. 13, no. 1. P. 25–40. <https://doi.org/10.1177/026858098013001004>.
6. Goodhart D. The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics. L., 2017. 256 p.
7. Цит. по: Николаев В.Г. Миграция и маргинализация в интеракционистской перспективе // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 5–20.
8. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М., 2002. 557 с.
9. Там же. С. 115.
10. Там же. С. 113.
11. Ильин М.В. Пределы государственной состоятельности стран мира // Политическая наука. 2011. № 2. С. 60–74.
12. Федотова Н.Н. Указ. соч.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна